

20-83
101
802-85
5466-2

ОТЪЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НА 1840 ГОДЪ.

802-18
528

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatæ plane aures, quæ non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ VIII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ГУТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1840.

одинъ богемскій языкъ, но и польскій, и русскій, и сербскій Сербъ или Иллиріецъ да будетъ не просто Сербомъ, но славяно-Сербомъ, да покупаетъ и читаетъ не однѣ сербскія книги, но и произведенія польской, русской, богемской литературы. Кто не знаетъ и не понимаетъ этихъ главныхъ нарѣчій, тому бы не слѣдовало и брать перо въ руки, тотъ не славянскій писатель.

а.

Х И В А,

въ пынѣшнемъ своемъ состояніи (*).

=

Страны, прилегающія съ юга къ Азіатской Россіи, еще такъ мало изслѣдованы, во всѣхъ отношеніяхъ, что всякое извѣстіе о нихъ достойно вниманія, особенно если будетъ сообщено очевидцами. Та часть этихъ обширныхъ странъ, которая принадлежитъ Китайской Имперіи, къ сожалѣнію, неприступна для тѣхъ изъ Русскихъ, которые захотѣли бы идти черезъ нихъ, а не слѣдовать по назначенной дорогѣ изъ *Кяхты* въ Пекинъ, и то на извѣстныхъ условіяхъ.

Но страны на западъ отъ этой части Китая, *Коканъ*, *Бухара* и *Хива*, давно уже состоятъ въ сношеніяхъ съ Россією. Первые двѣ доступны каждому Русскому и, не смотря на то, до-сихъ-поръ только дорога изъ Оренбурга въ Бухару была посѣщаемъ и описываема учеными путешественниками (**). Но наблюденія ихъ простирались не далѣе города Бухара; даже сосѣдній Самаркандъ, этотъ знаменитый памятникъ древней славы востока, никогда не былъ посѣщаемъ (**); а можно ли полагать, что въ немъ нѣтъ множества разнообразныхъ литературныхъ сокровищъ, съ которыми знакомство значительно разпространило бы наши свѣдѣнія о востокѣ?

(*) Хивинское Ханство, въ-слѣдствіе новѣйшихъ событій, особенно должно интересоваться насъ-Русскихъ. Извѣстное въ Европѣ описаніе его, составленное Англичаниномъ Борисомъ, и старо, и неполно, и, какъ оказывается, невѣрно. Предлагаемая здѣсь статья взята изъ книги, на-дняхъ изданной соотечественникомъ нашимъ, г-мъ Гельмерсеномъ, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ «Nachrichten über Chiva, Buchara, Chocand, etc.». Источники, которыми пользовался авторъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности его описанія, и благодаря его труду, мы теперь можемъ имѣть о Хивѣ вѣрныя свѣдѣнія, какихъ не имѣетъ Европа. *Ред.*

(**) Эверсманъ, Пандеръ, Мейендорфъ и Демезонъ.

(***) И Борисъ (Burnes) не бывалъ въ Самаркандѣ.

Коканъ и Хиву посѣщали только немногіе политическіе эмиссары и торговцы, и свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этихъ странахъ, основываются на неполныхъ, неудовлетворительныхъ описаніяхъ, отрывочно-печатавшихся въ разные времена. Особенно недостаточны собранія доселѣ свѣдѣній о Хивѣ. Причиною сего—недоступность этой незначительной страны. Великій Европеецъ, и особенно великій Русскій, добровольно-проникающій въ нее, подвергается опасности лишиться жизни. Князь Бековичъ-Черкасскій, отправленный Петромъ-Великимъ въ Хиву, былъ убитъ со всею свитою самымъ гнуснымъ образомъ; а Муравьевъ, котораго посылалъ Ермоловъ, бывшій главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ, хотя и остался живъ (*), но все время своего пребыванія долженъ былъ провести въ тюрьмѣ въ Пльгельди, и потому знаетъ Хиву большею - частию только по-наслышкѣ. Не смотря на это, извѣстія его самыя полныя, и онъ заслуживаетъ за нихъ тѣмъ большую благодарность, что могъ собрать ихъ не иначе, какъ съ величайшимъ самопожертвованіемъ.

Между-тѣмъ это небольшое государство все болѣе и болѣе обращаетъ на себя наше вниманіе, и притомъ самымъ непріятнымъ образомъ, препятствуя оренбургско-бухарской торговлѣ и останавливая ее. Какъ прежде Алжиръ, конечно въ обширѣйшемъ размѣрѣ, составлялъ на Средиземномъ Морѣ разбойническое государство, такъ и Хива старается посредствомъ оружія овладѣть промышленностію своихъ ближайшихъ сосѣдей. Все такъ-называемые походы хивинскихъ хановъ противъ Персіи и Бухары по-справедливости могутъ назваться разбойническими нападеніями, и взынсканіе такъ-называемой пошлины, платимой бухарскими караванами, идущими въ Оренбургъ и обратно, вооруженнымъ хивинцамъ, есть не что иное, какъ грабежъ, отъ котораго не въ состояніи избавиться трусливые Бухарцы.

Извѣстія Муравьева о Хивѣ позже разпространены и дополнены сказаніями разныхъ Русскихъ, счастливо ушедшихъ оттуда изъ плѣна. Въ числѣ ихъ находится иъкто Ковырзинъ, астраханскій мѣщанинъ, въ 1826 году убѣжавшій изъ Хивы въ Оренбургъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, во время рыбной ловли на Каспійскомъ Морѣ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Туркменцами и проданъ въ Хиву, гдѣ

(*) Еще очень недавно, весною 1838 года, въ Хивѣ удушено, по повелѣнію хана, нѣсколько иностранцевъ, повидимому Англичанъ, безъ всякой вины съ ихъ стороны. Полагаютъ, что они пришли туда изъ Персіи.

сначала раздѣлялъ судьбу всѣхъ невольниковъ, но скоро ловкость его доставила ему почетную обязанность—сопровождать нѣсколько лѣтъ сряду ханскаго сборщика податей въ его разъѣздахъ по Хивѣ. Это доставило Ковырзину подробныя и точныя свѣдѣнія о маленькомъ разбойническомъ государствѣ, котораго мѣстность должна была глубоко напечатлѣться въ умѣ его, потому-что Ковырзинъ одаренъ превосходною памятью. Подробные рассказы его о Хивѣ были записываемы въ Оренбургѣ председателемъ Азіатской Пограничной Коммисіи, генераломъ Генсомъ, который былъ такъ добръ, что сообщилъ ихъ мнѣ, вмѣстѣ съ другими матеріалами, собираемыми имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ съ неутомимымъ прилежаніемъ. Изъ этого-то собранія, которымъ генералъ Генсъ оказалъ великую услугу географіи Азіи, заимствованы и прочія извѣстія, обработанныя мною по русскимъ оригиналамъ и дополненныя мною собственными объясненіями. Извѣстія о Коканѣ и Китайскомъ Туркестанѣ взяты у извѣстнаго татарскаго купца, Муртаза-Сейф-юд-дина и нѣкоторыхъ изъ его земляковъ, которымъ открыть весь востокъ, не исключая и большей части Китая.

Обработанною и наилучше - населенною частию Хивинскаго Ханства считается островъ, съ юга и запада ограничиваемый песчаною стеною, съ сѣвера Аральскимъ Озеромъ, а съ востока рѣкою Аму-Дерья (Сигонъ) (*). Длина этого пространства отъ Петляка до Кунграта составляетъ 120, а ширина отъ Ургенча до Хивы только 40 верстъ (**); почва вездѣ ровная и состоитъ изъ песчаной глины, лоно же Аму-Дерья изъ чистой глины. Только на восточной и западной границѣ возвышаются нѣкоторые довольно-значительные песчаные холмы; и здѣсь же тянется длинный рядъ озеръ, которыя соединяются другъ съ другомъ небольшими протоками, и имѣютъ хорошую воду, но рѣдко достигаютъ длины

(*) Просимъ читателей обратить вниманіе на приложенную къ этой статьѣ карту Хивы.

(**) Муравьевъ (см. Voyage en Turcomanie et à Khiva. Paris. 1825. pag. 232) опредѣляетъ длину «partie centrale de la Khivie» въ 180 верстъ съ сѣвера на югъ, и ширину въ 150 верстъ отъ востока къ западу. «Но эта страна» продолжаетъ онъ: «будетъ гораздо обширѣе, если причислить къ ней все завоеванныя области и тѣ, которыя состоятъ подъ ея политическимъ вліяніемъ, или зависятъ отъ нея по торговымъ отношеніямъ. Изъ этого легко убѣдимся, что никакъ нельзя съ точностью опредѣлить величину этого государства.

500 сажень (3,500 футов). Правый берег Аму-Дерья покрытъ значительными скалами, и здѣсь же находится, насупротивъ города Кипчака, на самой рѣкѣ, извѣстная Золотая Гора (*); однакоже, къ этой горѣ не пригавленъ караулъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, и, кажется, Хивинцы совершенно убѣждены, что она не содержитъ въ себѣ ни зерна золота.

Берега Аму-Дерья покрыты низкимъ кустарникомъ, который, можетъ-быть, сдѣлался бы гораздо-выше, если-бы его не срубали каждый годъ. Между этими кустарниками замѣчательны дикія розы, производящія круглый плодъ, и дерево *туранга*, достигающее вышины 2 сажень и значительной толщины; оно очень вѣтвисто, имѣетъ круглые листья, крѣпкую сердцевину и странный видъ. Въ прочихъ мѣстахъ растетъ саксаулъ. Около Гурлена и далѣе внизъ по рѣкѣ весьма-густые кустарники, и между ними также саксаулъ.

Лѣтомъ жары въ Хивѣ очень-сильны, но споспѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, потому-что Хивинцы изобильно снабжены водою. Вѣтры очень-сильны; дождь рѣдокъ, что очень-выгодно для жителей, потому-что дождь разрушаетъ ихъ дома. Морозы наступаютъ въ началѣ октября и часто бываютъ въ это время такъ сильны, что вода покрывается льдомъ. Аму-Дерья замерзаетъ не ранѣе, какъ къ новому-году, и, не смотря на это, ледъ, говорятъ, достигаетъ иногда толщины 12 вершковъ. Снѣгъ никогда не выпадаетъ болѣе, какъ на пдень и не лежитъ болѣе четырехъ дней. Гололедица образуется очень-часто; а какъ верблюды не могутъ ходить по ней, то жители принуждены ѣздить въ тележкахъ. Воздухъ здоровъ, но осенью свирѣпствуютъ лихорадки.

Аму-Дерья снабжаетъ всю страну хорошею водою. Рѣка глубока, широка и быстра, но мало-по-малу быстрота ея уменьшается до того, что пониже Кунграта едва можно замѣтить ея теченіе.

(*) Въ прежнихъ описаніяхъ (см. Мейендорфа: «Voyage d'Orenbourg à Boukhara» стр. 72 и Эрмана: «Beiträge zur Länder- und Staatenkunde der Tartarie». Веймаръ, 1804, стр. 48) ее называютъ *Вайсли-кара* или *Васил-кара* и утверждаютъ, что на вершинѣ ея находится глубокія ямы, изъ которыхъ прежде доставались золото и серебро. Но, со временемъ *Бекита*, подъ смертною казнію запрещено работать въ нихъ и даже подходить къ нимъ (Здѣсь очевидно говорится о несчастномъ князѣ Бековичѣ, посланномъ Петромъ-Великимъ въ Хиву, и о которомъ, между-прочимъ, думали жители, что онъ пришелъ съ своимъ отрядомъ для опустошенія золотыхъ рудниковъ. Извѣстно, что онъ и всѣ съ нимъ бывшіе были убиты по повелѣнію хивинскаго хана).

Въ 150 верстахъ по-выше Петняка въ Аму-Дерья находятся пороги, черезъ которые при мелководьи съ трудомъ проходятъ лодки. Но отъ этого мѣста до впаденія въ Аральское Озеро ничто уже не препятствуетъ судоходству. Каракалпаки развѣзжаютъ по Аральскому Озеру въ небольшихъ лодкахъ, и занимаются на немъ рыбною ловлею (*). Аму-Дерья только пониже Кунграта выступаетъ изъ береговъ и тогда преимущественно затопляетъ восточный берегъ; по-этому только здѣсь и находится близъ рѣки луговая почва, которой вовсе нѣтъ выше. Водополье, которое наступаетъ обыкновенно около 1 октября (**) и отъ котораго вода, чистая и вкусная въ прочее время года, превращается въ мутную, иногда достигаетъ 2½ сажень выше обыкновеннаго. Значительнѣйшее мелководье наступаетъ въ началѣ іюня, и въ это время выше Петняка можно проѣхать верхомъ чрезъ рѣку; впрочемъ теченіе здѣсь такъ быстро, что лошадь съ трудомъ можетъ устоять на ногахъ.

Когда Аму-Дерья изобилуетъ водою, то всѣ каналы, проведенные изъ нея, наполняются, и тогда можно достаточно наводнить поля и сады, отъ-чего жатва выходитъ хороша; въ противномъ же случаѣ страна терпитъ голодъ. Въ 1804 году, на-пр., жители Хивы засухой и произшедшимъ отъ нея неурожаемъ были доведены до крайности. Тотъ же самый годъ отличался и повальными болѣзнями.

Во всемъ ханствѣ ни одна рѣка не впадаетъ въ Аму-Дерья; но изъ этой рѣки вытекаетъ на западномъ (лѣвомъ) берегу рукавъ, Кара-Узекъ, въ десяти верстахъ ниже Худшы; онъ имѣетъ до 5 сажень глубины, 200 сажень ширины и довольно-быстръ; Каракалпаки содержатъ здѣсь перевозъ на лодкахъ. Въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ истока этого рукава находится гора Ирнекъ, мимо которой онъ протекаетъ въ находящееся на 5-ти-верстномъ разстояніи отъ Кунграта озеро Ат - Юль, и изъ сего послѣдняго обратно въ Аму-Дерья.

(*) Аральское Озеро усеяно островами, и нѣкоторые изъ нихъ населены; значительнѣйшій изъ острововъ, Токмак - Ата, лежитъ насупротивъ устья Аму, населенъ и покрытъ лѣсомъ. Длина его до 50 верстъ. Хивинцы посвящаютъ этотъ островъ для поклоненія гробу одного сантона, здѣсь погребеннаго. Озеро очень неглубоко, и говорятъ, что при мелководьи можно верхомъ дойти до острова, лежащаго въ 20 верстахъ отъ берега.

(**) По другимъ извѣстіямъ, въ апрѣль или началѣ мая.

Въ Кара-Узекъ впадаютъ нѣсколько побочныхъ рукавовъ Аму-Деря, которыхъ не должно смѣшивать съ каналами, потому-что они текутъ въ природныхъ а не искусственныхъ руслахъ (*).

Кромѣ домовъ въ стѣнахъ города, всадъ почти есть еще дома въ нѣхъ. Последнихъ, на-примѣръ, въ Хивѣ считается не менѣе 1500, въ Ургенчѣ до 600. Всего считается во всѣхъ городахъ и

(*) При половодьи Аму-Деря несетъ необыкновенно - много темносѣраго, клейкаго ила, весьма преднаго для плодородія. Часто, въ короткое время, она наполняетъ каналы толстымъ слоемъ, который, при чисткѣ ихъ, или выбрасывается на берегъ, или перевозится въ города и селенія для возвышенія дворовъ и защищенія жилищъ отъ наводненій.

Жители Хивинскаго Ханства твердо убѣждены, что Аму-Деря прежде впадала въ Каспійское Море. Говорятъ, что такіа прежнія русла рѣкъ видны между каналами Касаватъ и Шаватъ, и между каналами Ермынь (однимъ изъ меньшихъ) и Клыч - Бай. Они идутъ въ направленіи къ западу и наполнены мелкимъ (рѣчковымъ?) пескомъ. Во время половодья Аму-Деря и каналовъ, наполнила вода проводится въ эти оставшія русла, которые, по-этому, ниже водной поверхности несетъ необыкновенное множество ила. Большая часть этого ила вѣроятно доходитъ до устья, гдѣ отъ - сего должно произойти быстрое обмеленіе и значительное приращеніе дельты. Чрезвычайно-низкое дно и большіе, плоскіе острова при устьѣ свидѣлствуютъ о томъ, что и здѣсь происходятъ извѣстныя явленія этого рода, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ встрѣчаемыя въ многихъ другихъ рѣкахъ.

Не только при устьѣ, но въ нижней части своей, Аму-Деря наноситъ илъ, и такимъ-образомъ, подобно По, повышаетъ свое русло. Всѣ же рѣки, сходныя съ Аму, протекая въ ровныхъ мѣстахъ, часто измѣняютъ свое русло, по причинамъ, выше объясненнымъ. Такимъ-образомъ нельзя сомнѣваться, чтобъ и съ хивинскою рѣкою не происходили подобныя измѣненія. Обитатели Хивы приписываютъ разрушеніе древняго Ургенча тому обстоятельству, что рукавъ Аму, при которомъ онъ лежалъ, наполнился пескомъ и высохъ. Конечно, всѣ извѣстія о прежнемъ теченіи Аму неполны, но нѣтъ и достаточныхъ причинъ отвергать это предположеніе, какъ дѣлали въ послѣднее время. Показанія многихъ Хивинцевъ и возвратившихся въ свое отечество Русскихъ согласны въ томъ, что между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, вблизи этихъ руселъ, означавшихъ прежнее теченіе Аму, около 300 верстъ на востокъ отъ Балханскаго Залива, находятъ остатки водопроводовъ, крѣпостей и строеній, сооруженныхъ изъ кирпича. Эти остатки, которыхъ подробнѣе описаніе весьма-желательно было бы видѣть, указываютъ на то, что эта страна некогда была обитаема, но теперь лишена воды и въ нѣтъ сѣ тѣмъ жителей. Прежнее теченіе Аму-Деря было вѣроятно главнымъ условіемъ существованія разрушенныхъ нынѣ городовъ.

селеніяхъ Хивинскаго Ханства 22,850 домовъ и обитаемыхъ палатокъ. Къ этому надобно еще прибавить многія жилища, разбѣяныя между селами.

Постройка домовъ. Въ Хивинскомъ Ханствѣ болѣею частію строятся дома изъ земли или глины; только въ мѣстахъ, подверженныхъ наводненіямъ, стараются придать имъ болѣе крѣпости, и для этой цѣли поступаютъ слѣдующимъ-образомъ: дѣлаютъ два вѣнца изъ бревенъ, одинъ для верха, другой для низа строенія. Последний уставляется какъ-можно-чаще деревянными подпорками (тонкими бревнами), которые поддерживаютъ верхній вѣнецъ, и эти подпорки съ обѣихъ сторонъ обмазываются смѣсью соломы съ глиной. Когда такимъ-образомъ четыре стѣны готовы, то сверху накладываютъ горизонтальныя стропила, покрываютъ ихъ поперекъ шестами и на послѣдніе накладываютъ циновки изъ плоскаго тростника; все это засыпаютъ сухою глиною и наконецъ замазываютъ мокрою глиною. Въ срединѣ этого потолка, образующаго въ то же время и крышу, дѣлаютъ четырехугольное отверстіе, пропускающее свѣтъ и служащее проводникомъ дыму. Для предохраненія отъ воровъ эти отверстія закрываютъ деревянною рѣшеткою.

Только зажиточные люди бѣлятъ внутреннія стѣны домовъ и наклеиваютъ на нихъ разныя вырѣзанныя украшенія. Снаружи никогда не бѣлятъ стѣнъ, и по-этому на нихъ всегда торчатъ куски соломы, съ которою смѣшана глина. Окна незвѣстны Хивинцамъ, и только иногда въ стѣнѣ продѣлывается одно отверстіе. Двери досчатыя, но безъ петель и крючковъ; на крайней доскѣ двери съ обѣихъ концовъ, сверху и снизу, дѣлаютъ оконечности нѣсколько длиннѣе всей доски и, округливъ ихъ, вставляютъ въ дыры, посверленные въ порогъ и притолокъ. Въ настоящее время только у хана сѣтъ двери на петляхъ. Каждый домъ состоитъ изъ одной только комнаты, величиною съ наши крестьянскія избы. Богатые люди строятъ нѣсколько домовъ сряду и соединяютъ ихъ галлереею, на которую изъ каждой комнаты ведетъ дверь; самыя же комнаты не сообщаются между собою дверями непосредственно. Полъ въ нихъ состоитъ изъ выравненной, смѣшанной съ глиной земли, и, смотря по состоянію владѣльца, покрывается или циновками, или коврами. Въ срединѣ комнаты въ полу сдѣлано углубленіе, надъ которымъ стоитъ нѣчто похожее на

столъ, покрытый до низа ковромъ. Зимой наполняютъ это углубленіе горящими угольями и кладутъ ноги подъ коверъ, чтобы согрѣть ихъ. У хана поставили-было русскую печь, но она не удостоилась высокаго его одобренія, потому-что разпространила вокругъ себя слишкомъ-сильный жаръ.

Дома устроиваются въ глубинѣ двора и опираются на соседніе; дворъ окруженъ глиняною стѣною, вдоль которой идетъ крыша, смежная съ крышею дома. По обѣимъ сторонамъ воротъ также устроиваются плоскія крыши на столбахъ. Причина, по которой одна часть двора покрывается крышею, состоитъ въ томъ, что многіе, особенно богатые люди, живутъ въ войлочныхъ палаткахъ, разбиваемыхъ подъ этими крышами у воротъ и у входа въ домъ.

Жители. Главное племя въ Хивѣ Узбеки (*), и самъ ханъ происходитъ отъ нихъ; однакожь они не пользуются никакими особенными привилегіями, и все безъ исключенія служатъ въ арміи хана, гордятся своимъ происхожденіемъ, храбры, заносчивы, сердиты и мстительны, но держатъ данное слово и вѣрно платятъ свои долги. Съ невольниками своими они обходится жестоко, рѣдко ходятъ въ мечети, крадутъ и хищничаютъ. За исключеніемъ кунгратскихъ Узбековъ, это племя живетъ въ домахъ, а лѣтомъ на поляхъ своихъ въ палаткахъ, но не ведетъ кочевой жизни. Кунгратскіе Узбеки, на противъ, перекочевываютъ подобно Киргизцамъ, и не имѣютъ никакого постоянного жилища.

Уйгуры принадлежатъ къ роду Узбековъ, но въ-слѣдствіе своего непослушанія и проступковъ живутъ почти въ неволѣ, подъ надзоромъ и управленіемъ султана-хана. Въ настоящее время они умиротворились, но многіе оставили Хиву и переселились въ Бухару. Они одѣваются точно такъ же, какъ Узбеки.

Туркменцы (**) (Туркоманы), обитаютъ на западной границѣ

(*) Клапротъ, «Asia Polyglotta» стр. 267. Турецкое племя, известное подъ именемъ Узбековъ, жило въ прежнія времена на югъ отъ Небесной Горы и состоитъ изъ остатковъ Хуихе (Chiuiche) или Уйгуръ; въ началѣ XVI вѣка оно проникло черезъ Синую или Яксартъ въ Бальхское, Бухарское, Хивинское и другія Государства.

(**) Клапротъ, тамъ же, стр. 217. Трудно опредѣлить происхожденіе Туркменцевъ. Они турецкія племена, принадлежавшія въ XI и XII вѣкахъ чрезъ Окъ и Хорасанъ. Кочующіе по ту сторону Каспійскаго Моря Туркменцы состоятъ теперь по-большой-части подъ властію хивинскаго, ферганскаго и бухарскаго хановъ.

ханства и ведутъ кочевую жизнь въ палаткахъ. Они носятъ барашковыя шапки съ краснымъ суконнымъ верхомъ, какъ русскіе казаки. Чиновники ихъ надѣваютъ иногда, въ честь хана, хивинскія шапки. Кафтаны ихъ узкі и достаютъ только до колѣнъ; изъ приготовляемаго ими-самими сукна дѣлаютъ они свою зимнюю одежду; лѣтомъ же носятъ кафтаны изъ китайки, приготовляемой въ Персіи. Пагталоны ихъ покроемъ подобны турецкимъ, изъ аладжи (полосатой матеріи); Туркменцы носятъ короткую рубашку, красные юфтяные сапоги, на-фасонъ киргизскихъ, и сильно шнуруются. Они почти-единственно живутъ грабежомъ и воровствомъ, и для этого употребляютъ аргамакъ. Когда въ 1825 году хивинская армія напала на несчастный русскій караванъ и принудила его отступить съ большою потерей товаровъ, Туркменцы отняли у Хивинцевъ и Каракалпакъ весь похищенный товаръ, назначенные для отвоза въ Бухару и на которые съ жадностію бросилась вся армія, какъ скоро отрядъ, сопровождавшій караванъ, отретировался. При спорѣ, возникшемъ по этому поводу, Туркменцы обругали хана, который, узнавъ объ этомъ, приказалъ повѣсить 10 туркменскихъ аксакаловъ. Послѣ этого 200 кибитокъ Туркменцевъ откочевали на берегъ Каспійскаго Моря, разрушивъ, на дорогѣ, въ окрестностяхъ Ташгауса, два базара и угнавъ скотъ. Ташгауса они однакожь не могли взять. Жены Туркменцевъ прилежны и искусны въ рукодѣльяхъ. Онѣ ткутъ ковры, попоны, тонкую армячину (изъ верблюжьей шерсти), поясы, сукно, и дѣлаютъ войлокъ. Мужчины ходятъ своихъ прекрасныхъ лошадей и хищничаютъ.

Каракалпаки (*) (Черношапочники), кочуютъ болѣе всего около горы Айбугуръ и на правомъ берегу Аму - Дерья. Богатѣйшіе изъ нихъ окружаютъ дворъ стѣнами; въ этомъ маленькомъ укрѣпленіи они держатъ запасъ хлѣба, а въ окрестностяхъ сихъ магазиновъ проводятъ зиму; лѣтомъ же перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Они одѣваются какъ Киргизы, но шапки носятъ хивинскія. Зимняя одежда ихъ шьется изъ русскаго сукна; лѣтомъ они носятъ армяки, вытканые изъ верблюжьей шерсти. Многіе Каракалпаки постоянно поселены въ Хивѣ, гдѣ не имѣютъ собственныхъ домовъ, а живутъ на-счетъ султана; они носятъ шелковыя

(*) Клапротъ, тамъ же, стр. 222. Каракалпаки, говорятъ, до разрушенія города Булгары жили въ окрестностяхъ его и на гористомъ берегу Волги, между Казанью и Астраханью. Теперь они разпространились гораздо-дальше на юго-востокъ.

платя и посреди кочующихъ земляковъ своихъ принимаютъ важный и гордый видъ.

Каракалпакъ занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ; у нихъ мало верблюдовъ; они неуклюжи, трусливы, и потому плохіе воины, послушны, но склонны къ воровству; для грабежей у нихъ не достаетъ мужества. Они держатъ свое слово, не пьютъ вина, курятъ и нюхаютъ табакъ. Богатые возничаютъ дѣтей своихъ въ Хивѣ. Они слѣпо повинуются хану, и хивинскій чиновникъ, хотя бы то былъ и Каракалпакъ, дѣлаетъ съ ними что хочетъ, потому-что они готовы отдать по первому воззребованію женъ, дѣтей и имущество. Вообще они бѣдны, имѣютъ мало лошадей, но больше рогатаго скота; обитаютъ въ богатыхъ пажитяхъ и лѣсомъ низменныхъ мѣстахъ; поля ихъ даютъ обильную жатву. Въ Хивинскомъ Ханствѣ, собственнo, только тѣ имѣютъ постоянную осыдасть, которые служатъ въ арміи хана. Аксакалы (бѣлобородые, старики) управляютъ аулами, и за маловажные преступленія наказываютъ тѣлесно; важнѣйшихъ же преступниковъ отправляютъ въ Хиву, на судъ самого султана.

Сарты—трусливы, смиренны, подлы, измѣняютъ данному слову, охотно обманываютъ и дурно платятъ долги, не годятся для войны, плохіе ѣздоки, но молятся много и охотно занимаются учеными предметами. Съ невольниками своими они обходятся лучше, нежели Узбеки; одѣваются бѣдно, между-тѣмъ, какъ послѣдніе любятъ пощеголять нарядами. Они повинуются начальству, работящи и часто богаты, но скрываютъ свои сокровища, боясь, чтобы правительство не отняло ихъ, и очень-хорошо знаютъ, что, при нашествіи непріятеля, ханъ отнял бы у нихъ все. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому-что считаютъ себя древнѣйшими обитателями (*) и настоящими владѣтелями страны, они не терпятъ Узбековъ. Впрочемъ Узбеки вступаютъ въ родство только съ Сартами и не хотятъ знаться ни съ какими другими обитателями страны.

Таджики—бухарскіе военнослужилые, почти въ числѣ 2,000

(*) Клапротъ, тамъ же, стр. 243. Сарты—турецкое названіе Бухарцевъ, которые сами себя называютъ Таджиками; по-этому сн три названія однозначны и придаютъ, по словамъ Клапрота, не Туркамъ, какъ доселѣ полагали, а Персіанамъ, потому-что Бухарцы говорятъ по-персидски. Посему настоящіе коренные жители Большой и Малой Бухаріи—Персіане и принадлежать къ индо-германскому поколѣнію; обитающіе же между ними Турки—пришельцы.

семействъ, живутъ мирно и спокойно на земляхъ, отведенныхъ султаномъ.

Афганцы—живутъ въ Хивѣ для торговли; въ городѣ Хивѣ считается ихъ всего 15 семействъ; они богаты; нѣкоторые изъ нихъ занимаются врачеваніемъ болѣзней и иногда лечатъ самого хана; но за неудачное леченіе ханъ иногда приказываетъ выколоть несчастнымъ медикамъ глаза. Мухаммедъ-Рахимъ многихъ лишаетъ зрѣнія такимъ образомъ.

Жидовъ въ Хивѣ около 200. У нихъ нѣтъ своихъ домовъ: они живутъ по найму; занимаются шелководствомъ, тканьемъ и крашеніемъ шелковыхъ и полуселковыхъ матерій. И здѣсь, какъ въ Бухарѣ, Жидовъ принуждаютъ одѣваться такъ, чтобы ихъ тотчасъ можно было различить отъ другихъ народовъ. Никто имъ не кланяется, а ханъ, встрѣчаясь съ ними, отворачивается. Они живутъ смиренно, но любятъ играть въ карты и кости на деньги.

Армяны въ Хивѣ очень-немного; всѣ они изповѣдуютъ мухаммеданскую вѣру и родились въ Хивѣ.

Туркменцы похищаютъ Персіанъ и приводятъ на продажу въ Хиву; Персіане часто попадаютъ въ плѣнъ, и многіе изъ нихъ переходятъ въ секту Суннитовъ. Получивъ, послѣ долговременной службы, свободу, они селятся отдѣльно въ деревняхъ, или по-крайней-мѣрѣ въ отдѣльныхъ улицахъ. Они вѣроломны, хитры, трусливы и покорны, и, пока находятся въ рабствѣ, очень-склонны къ воровству.

Туркменцы приводятъ также на продажу изъ Персіи Аймаковъ, но въ незначительномъ числѣ. У Аймаковъ цвѣтъ лица темный; они ловче, но глупѣе Персіанъ и характеромъ спокойнѣе. Первѣдко въ Хиву приводятъ также плѣнныхъ Курдовъ, но они часто спасаются бѣгствомъ отъ рабства, потому-что очень-ловки и говорятъ по-татарски (турецки). Они злы, воруютъ, грабятъ, и могутъ быть хорошими солдатами. Когда они откупаются отъ рабства, ихъ такъ же мало, какъ Русскихъ, отпускаютъ назадъ на родину.

Каджары во всемъ походятъ на Персіанъ, но ихъ рѣже привозятъ въ Хиву, нежели Курдовъ.

Черныхъ или Негровъ неохотно покупаютъ Хивинцы, потому-что не любятъ ихъ цвѣта, и они продаются въ незначительномъ числѣ.

Киргизы очень-часто продаютъ въ Хиву собственныхъ дѣтей своихъ (*), покупаемыхъ Сартами и Узбеками за безцѣнокъ; послѣдніе ихъ не продаютъ уже болѣе. Туркменцы платятъ за нихъ дороже, потому-что могутъ сбыть въ Персію съ большою выгодною, выдавая ихъ за калмыцкихъ дѣтей, цѣнимыхъ тамъ очень-дорого. Киргизы неохотно уступаютъ Персіиамъ дѣтей своихъ и лучше продаютъ ихъ за меньшую плату въ Хиву, гдѣ могутъ видѣться съ ними время-отъ-времени. Пришедъ въ Хиву, плѣнники представляются сперва ходишеш-мехрему, который выбираетъ лучшихъ изъ нихъ для хана и для себя, прочихъ же продаютъ на базаръ, гдѣ они сидятъ рядами, другъ подлѣ друга.

Вообще Хивинцы съ невольниками обходятся дурно; однакожь участь ихъ у богатыхъ господъ сносна. У хана и знатныхъ людей каждый невольникъ получаетъ въ мѣсяць 3 пуда муки, 1 фунтъ мяса въ недѣлю, соли сколько нужно и на одежду обыкновенно по червонцу (14 рублей) въ треть. За деньги ханъ никогда не отпускаетъ невольниковъ, даже если они могутъ заплатить нужную сумму, но иногда даритъ имъ свободу въ-слѣдствіе обѣта, сдѣланнаго во время тяжкой болѣзни или для очищенія отъ грѣховъ. Купцы и другіе хивинскіе жители даютъ невольникамъ въ день три плоскіе блина изъ пшеничной муки и, кромѣ-того, удѣляютъ имъ остатки собственной пищи; также отдаютъ имъ старое свое платье и каждому по полу-таналу (300 квад. сажень) земли, преимущественно засѣваемой травою *юнгка*, потому-что она приноситъ болѣе выгоды, нежели хлѣбъ. Отъ доходовъ съ этихъ участковъ земли, невольники собираютъ такіа суммы, что часто послѣ пятилѣтняго рабства уже могутъ заплатить свой выкупъ. Вообще всякій невольникъ, ведущій порядочную жизнь, можетъ получить свободу; только развратные до конца остаются въ неволѣ. Лучше всѣхъ обходится съ невольниками Сарты и Каракалпаки, Узбеки хуже, а Туркменцы такъ дурно, что ханъ запрещаетъ имъ покупать русскихъ плѣнныхъ.

Невольники хана и вельможъ дѣлаютъ разныя безчинства, воруютъ и грабятъ безнаказанно, потому-что никто не дерзаетъ безпокоить ихъ владѣтелей жалобами. Управителями этихъ вельможъ обыкновенно бываютъ откупившіеся; они получаютъ десятину

(*) Извѣстно, что въ жестокія зны и голодные годы Киргизы продаютъ своихъ дѣтей также въ Оренбургъ и другіе города, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти, и потому эта продажа допускается подъ извѣстными условіями.

отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, позволяютъ невольникамъ отправляться ночью на разбой и отказываютъ только тѣмъ, на которыхъ сердиты, или у которыхъ хотятъ выманить подарокъ. Вечеромъ, возвратившись съ работы, выпрягши лошадей и задавъ имъ кормъ, они собираются къ управителю и говорятъ: «Ага, мы въ большой пуждѣ, у насъ нѣтъ ни платья ни хлѣба» — Ага, понимая этотъ намѣкъ, отвѣчаетъ: «Только берегитесь, чтобъ васъ не поймали, и лучше возвращайтесь домой безъ платья». Часто онъ даже снабжаетъ ихъ лошадьми на эти ночныя экспедиціи, и отъ каждого, желающаго участвовать въ нихъ, получаетъ по рублю. Рѣдко возвращаются они безъ добычи, и такимъ-образомъ запасаются на зиму разными съѣстными припасами, одеждой и деньгами. Строгихъ управителей нерѣдко убиваютъ, и потому Хивинецъ никогда не возьметъ на себя этой должности. Часто также отпускаютъ невольниковъ на заработки, за что они платятъ пять, рѣдко семь тилъ (*) въ годъ. Если невольникъ принесетъ жалобу на своего господина, то ханъ дѣлаетъ послѣднему выговоръ за дурные поступки съ невольникомъ, или уплачивается за него покупную цѣну и оставляетъ у себя. Никто не смѣетъ убить своего невольника, но за то можетъ наказывать его сколько и какъ угодно. Персидскіе невольники обкрадываютъ своихъ господъ самымъ безстыднымъ образомъ, и потому скоро откупаются. Господа вообще отпускаютъ ихъ легко, и часто этимъ хвалятся; есть однако такіе, которые ни за что не отпускаютъ на свободу своихъ невольниковъ.

Русскихъ никогда не употребляютъ для судоходства, потому-что боятся побѣга; Хивинцы ненавидятъ ихъ за вѣру, но отдаютъ полную справедливость мужеству ихъ и вѣрности.

Хивинцы недовольны своимъ положеніемъ. Часто случается, что бѣдные Сарты, вздыхая, громко желаютъ, чтобы Русскіе когда-нибудь облегчили ихъ судьбу. Еще открытѣе говорятъ это Туркменцы, но нетерпѣливѣе всѣхъ ожидаютъ своего избавленія Уйгуры. Купцы, возвращающіеся изъ Россіи, вездѣ говорятъ о могуществѣ и силѣ ея, присовокупляя, что въ войнѣ одинъ русскій солдатъ лучше десяти Хивинцевъ. Они особенно убѣдились въ этомъ при нападеніи на караванъ, о которомъ мы говорили выше, когда около 12,000 Хивинцевъ не только не мо-

(*) Тилла — золотая монета, около 14 рублей 50 копеекъ на наши деньги.

гли причинить никакого вреда 500 Русскимъ, исключая значительнаго убытка товаровъ, но еще понесли огромную потерю убитыми и ранеными. Киргизы въ Хивѣ очень-смирны и спокойны, и не осмѣливаются производить свои обыкновенныя мошенничества, болѣе строгаго наказанія. Въ сѣверныхъ странахъ бѣдныя Киргизы живутъ въ своихъ войлочныхъ палаткахъ, питаются работою и мелочною торговлею. Жены ихъ ткнутъ армячку, мужья занимаются земледѣльствомъ и кузнечною работою. Ханъ очень-хорошо принимаетъ киргизскихъ султановъ и хановъ, приѣзжающихъ въ Хиву и даетъ имъ квартиры и столовые деньги.

Образъ жизни и пища жителей.—Главная пища Хивинцевъ—мясо и крупа; богатые ѣдятъ плавъ изъ сарацинскаго пшена и баранины. Ёдятъ они обыкновенно три раза въ день. Утромъ рано, на разсвѣтъ, пьютъ чай (бѣдные не въ-состояніи лакомиться имъ) и завтракаютъ; послѣ 12 часовъ обѣдаютъ; потомъ ужинаютъ при свѣчахъ. Говядина варится съ рѣною и тыквою и разрѣзывается на мелкіе куски. Пельмени (*) (маленькіе пирожки съ говядиною) считаются за праздничное блюдо. Кашу готовятъ изъ жиромъ изъ овечьяго хвоста; иные варятъ ее въ молокѣ. Въмѣсто обыкновеннаго хлѣба, въ Хивѣ ѣдятъ плоскіе неоквашенные мучные блины. Мясо и кашу ѣдятъ пальцами, а супъ деревянными, приготовляемыми въ Хивѣ ложками. Вся столовая посуда глиняная, только богатые употребляютъ деревянные чашки, привозимыя изъ Россіи. Зажиточные люди пьютъ чай изъ русскихъ фарфоровыхъ чашекъ, бѣдные изъ каменныхъ мисокъ; немущій классъ пьетъ извѣстный кирпичный чай съ молокомъ, масломъ или жиромъ изъ глиняныхъ сосудовъ. Каракалпаки и Туркменцы рѣдко пьютъ чай, а бѣднѣйшіе изъ нихъ совсѣмъ не употребляютъ его. Хивинцы ѣдятъ немного рыбы и только съѣжую; рыбы у нихъ много, и потому она чрезвычайно-дешева; за рубль (2 танги) можно купить осетра. Каракалпаки, напротивъ, ѣдятъ очень-много рыбы, и въ нѣкоторыхъ странахъ она служитъ имъ даже главною пищею. Въ праздники ѣдятъ конину и на этотъ предметъ покупаютъ жирныхъ киргизскихъ кобылъ. Книжки начиняютъ мясомъ и жиромъ, и часть этихъ колбасъ дарятъ хану; часто также Хивинцы приносятъ ему въ даръ крупу и изюмъ, и онъ все принимаетъ милостиво. Форма сахара же, фунтовъ въ пять, считаетъ

(*) Пельмени—русское слово.

ся уже значительнымъ подаркомъ, и его приносятъ обыкновенно новобрачные въ день свадьбы. Свѣчей въ Хивѣ не знаютъ, и вмѣсто ихъ употребляютъ масло, какъ въ починкахъ. Почти все жители ханства занимаются земледѣліемъ, но вообще мало получаютъ хлѣба, такъ-что на продажу остается очень-немного этого продукта. Только богатѣйшіе люди, имѣя много невольниковъ, сѣютъ болѣе хлѣба. Бѣльшее количество хлѣба, и особенно *джукари*, покупаютъ Туркменцы, потому-что онъ очень-дешевъ. Послѣ неудачной жатвы, иногда совсѣмъ запрещается продавать и вывозить хлѣбъ и тогда Туркменцы покупаютъ его въ Персіи.

Садоводство незначительно. Хивинцы ѣдятъ сырые плоды, а сушеные привозятся изъ Бухары. Только Узбеки занимаются сушеніемъ дынь. Въ Хивѣ также разводится хлопчатая бумага и шелкъ, и послѣднимъ особенно промышляютъ Таджики. Сырой шелкъ не вывозится, но на мѣстѣ употребляется на фабрикахъ; Сарты и Таджики особенно-хорошо ткнутъ разныя матеріи изъ хлопчатой бумаги. Сарты дѣлаютъ халаты и почти исключительно завладѣли всеми прочими ремеслами.

Жены бѣдныхъ Сартовъ прядутъ, ткнутъ и исправляютъ все хозяйственныя работы; богатые же ничѣмъ не занимаются. Онѣ плохо повинуются мужьямъ своимъ, жалуются на легкія тѣлесныя наказанія (удары), просятъ о разводѣ, и нерѣдко достигаютъ своей цѣли. Узбечанки все трудолюбивы и не жалуются никогда на мужей. Жены Туркменцевъ и Каракалпаковъ совершенныя невольницы своихъ мужей.

Винокуреніемъ (изъ винограда и другихъ плодовъ) занимаются ильминныя Русскіе и Персіане, а въ маленькихъ городахъ и Хивинцы, хотя симъ послѣднимъ это строго запрещено. На винокуреніе употребляютъ желѣзные котлы, закрываемые деревянною шляпою; согнутый ружейный стволъ служитъ проводникомъ въ холодильникъ. Изъ одного пуда винограда получается три штофа водки лучшаго качества.

Управленіе, судъ, полиція и наказанія. — Верховная власть неограниченна и принадлежитъ хану. Послѣ него знатнѣйшіе и важнѣйшіе сановники въ государствѣ:

1) Куш-беги (*) (первый министр, если угодно такъ назвать

(*) Куш-беги по-настоящему значить главный птичникъ, обер-егермейстеръ.

его). Онъ принимаетъ просителей и представляетъ ихъ прошенія хану, заведываетъ таможенною частію, въ одной части государства собираетъ подати, и пр. Нынѣшній куш-беги, Узбекъ, добродушенъ, челоуѣколюбиво обходится съ плѣнными и пользуется уваженіемъ хана и всѣхъ жителей.

2) Мехтеръ (*) или казнохранитель.

3) Ходшеш-мехремъ (**), собиратель податей. Нынѣшній ходшеш-мехремъ Перейининъ, довольно силенъ, богатъ, очень добродушенъ и не гордъ.

4) Шир-нѣз-аталыкъ, почтенный сановникъ и родственникъ хана; мнѣніе его, по причинѣ старости его и опытности, весьма уважается; онъ уменъ; добродѣтеленъ, благороденъ и челоуѣколюбивъ.

Если кто имѣетъ дѣло къ хану, то не можетъ обращаться прямо къ нему, но долженъ сообщить его мехтеру, въ его отсутствіе куш-беги, а если нѣтъ и того, ходшеш-мехрему, который почти всегда находится при входѣ въ ханскій покой. Эти господа стараются помирить враждующія партіи, даже въ уголовныхъ дѣлахъ и, когда примиреніе удастся, то заставляютъ тяжущихся присягнуть, что они не станутъ возобновлять тяжбу, чтобъ ханъ не узналъ объ ней. Само-собою разумѣется, что тяжущіеся платятъ имъ за это. Жалобы представляются хану по очереди: въ важныхъ дѣлахъ онъ приказываетъ тяжущимся обратиться къ кази. Два свидѣтеля рѣшаютъ спорное дѣло, но часто являются ложные свидѣтели и Сарты не почитаютъ даже за важное преступленіе дать ложную присягу. На кого въ отсутствіе приносятъ жалобу, за тѣмъ посылаютъ ессауловъ, то-есть постоянныхъ ординарцевъ, находящихся у правительственныхъ лицъ и получающихъ плату за трудъ отъ того, кого приводятъ. Это мѣста доходныя, и многіе стараются попасть на нихъ. Кромѣ мехтера, куш-беги и ходшеш-мехрема, никто не смѣетъ объявлять ханскую волю чрезъ ессауловъ.

Въ каждомъ городѣ находится одинъ аталыкъ, имѣющій право наказывать тѣлесно за маловажныя преступленія: плѣнныхъ за воровство строго наказываютъ только господа ихъ, правительство же или вовсе не наказываетъ ихъ, или наказываетъ только слегка,

(*) Мехтеромъ иногда называютъ и палаткоразбивателя.

(**) Правильнѣе было бы (по мнѣнію г. Демезона) ходша-махрамъ. По словамъ другихъ, ходшеш-мехремъ только помощникъ другаго, высшаго сановника — *метга-мехрема*.

принимая въ уваженіе, что они воруютъ изъ нужды. Свободныхъ людей за воровство вѣшаютъ и всегда по суду самого хана. За троекратный побѣгъ невольниковъ сажаютъ на колъ. Пьяныхъ мухаммеданъ запираютъ и потомъ наказываютъ предъ дворцомъ хана палками. За прелюбодѣяніе женщина наказывается смертію; только тогда, когда мужъ приноситъ на нее формальную жалобу. Если хотятъ наказать женщину тѣлесно, то зашиваютъ ей голову въ мѣшокъ.

Жителямъ города Хивы позволено выходить со двора ночью только въ извѣстные часы, для посѣщенія мечети, а кто попадетъ на улицѣ въ другое время, того патруль беретъ подъ стражу. Патруль состоитъ изъ 15 челоуѣкъ *пауцановъ*, т. е. полицейскихъ служителей хана; всѣхъ ихъ 21, и они всегда на службѣ. Сарты никогда не противятся патрули, но Узбеки и Туркменцы часто заводятъ съ нею споръ. Невольниковъ знатныхъ людей, посланныхъ ночью господами по ихъ дѣламъ, не останавливаютъ. Въ другихъ городахъ нѣтъ этихъ патрулей, и жители могутъ свободно прогуливаться ночью по улицамъ.

Налоги, подати, акцизы и прох. — Налоги собираются въ южной части Хивинскаго Ханства, т. е. отъ *Петилка* до *Ургенга* черезъ куш-беги; въ сѣверной, отъ *Ургенга* до *Кунграта* ходшеш-мехремомъ.

Каждый владѣтель участка земли платитъ за свое семейство поземельную подать въ 3 червонца. Пока мать жива, всѣ сыновья ея причисляются къ *одному* семейству; подать платится по числу котловъ (дымовъ, очаговъ). Если какое-нибудь семейство раздѣляется на нѣсколько котловъ, то каждый платитъ по 3 червонца въ годъ. Куш-беги, ходшеш-мехремъ, чиновники и даже братья хана неизъятны отъ этого налога, и отъ него освобождаются только духовныя лица, да тѣ, которые смотрятъ за плотинами и въ военное время опредѣляются на ханскія лодки. Туркменцы, получившіе земли въ Хивѣ, для поселенія на нихъ, въ два первые года не платятъ ничего. То же право предоставляется всѣмъ переселенцамъ изъ другихъ земель и освободившимся невольникамъ. Ханъ получаетъ значительный доходъ съ обрабатываемыхъ его невольниками земель; кромѣ того, онъ имѣетъ на правомъ берегу Аму-Дерья лѣса, въ которыхъ дозволяетъ ежегодную рубку съ платою по 1 танги съ воза. За лавку въ караван-сараѣ, какъ равно и за

право торговать на базарѣ, взимается также пошлина. Если кто не можетъ заплатить налоговъ наличными деньгами, то земля его, или другое имущество, закладывается богатому, и потому въ Хивѣ не бываетъ казенныхъ недоимокъ. Съ лошадей, употребляемыхъ на обработку полей, такъ же какъ съ аргамаковъ, раздаваемыхъ ханомъ передъ походомъ, не взимается подати. Воникъ же, имѣющій собственнаго аргамака, платитъ за него известную сумму. Когда Туркменцы приводятъ на продажу въ Хиву верблюдовъ, лошадей или скотъ, то должны заплатить съ верблюда отъ 3 до 10 тангъ, за лошадь, смотря по добротѣ ея, отъ 6 до 30, за корову 5 и за овцу 1 тангу.

Торговля и пошлины. — Свободная торговля дозволена въ Хивинскомъ Ханствѣ вслѣдствію, но ею обыкновенно занимаются только Сарты. Отправляющійся изъ Хивы караванъ не платитъ никакой пошлины казнѣ, но дѣлаетъ ходшеш-мехрему значительный подарокъ. Пошлина съ приходящихъ каравановъ взимается деньгами. Такъ-какъ нѣтъ тарифа, то величина пошлины зависитъ отъ воли ходшеш-мехрема, который одинъ имѣетъ право собирать ее. Прежде пошлина эта уплачивалась въ Ургенчѣ, но нынѣ въ новомъ караван-сарай, въ Хивѣ. Ходшеш-мехремъ принимаетъ караваны на границѣ, и люди его провожаютъ ихъ до Хивы, гдѣ на товары, по уплатѣ пошлины, налагаются штемпеля. Туркменцы не платятъ ничего за ввозимые ими товары, но если уѣзжаютъ домой съ хлѣбнымъ запасомъ, то за каждую верблюжью ношу платятъ по 2 танги. Всѣ собранныя деньги, золотомъ и серебромъ, наконецъ переходятъ къ ходшеш-мехрему, который отвозитъ ихъ одинъ разъ въ годъ, и именно осенью, на четырехъ киргизскихъ лошадяхъ въ Хиву, на каждой лошади по двѣ корзины съ деньгами; ханъ лично принимаетъ ихъ и передаетъ потомъ мехгеру для храненія въ казнѣ. Собираемые ходшеш-мехремомъ суммы составляютъ слишкомъ половину всѣхъ государственныхъ доходовъ, простирающихся, по приблизительной сметѣ, до 2,000,000 рублей банковыми ассигнаціями (*). Не смотря на это, ханъ часто нуждается въ деньгахъ и занимаетъ у богатыхъ торговцовъ значительныя суммы. При покупкахъ для казны или государства по

(*) По показанію *Муравьева* (см. Voyage en Turcom. стр. 326), всѣ доходы хана составляютъ вдвое больше, т. е. 4,000,000 франковъ.

повелѣнію хана, никогда не торгуются, а платятъ безъ спора требуемую продавцомъ сумму.

Предметы торговли и цѣны на хлѣбъ.

1 пудъ пшеницы стѣитъ 3—4 танги (1 танга равн. 50 коп.)

1 » ячменя » 3 »

1 » кундши » 8 »

1 » кундшеваго масла стѣитъ иногда 16 тангъ.

1 » нечищенной хлопчатой бумаги (въ чашечкахъ) отъ 4 до 6 танговъ.

За хлопчатое сѣмя платятъ 2 танга.

— юнчиковое — — 8 —

— 1 пудъ сѣна — — отъ 2 до 6 —

— » — джугари — — 2 — 3 —

— » — гороха — — 4 —

— » — чечевицы — — 2 — 3 —

— » — ячмыка — — 4 —

— » — мака — — 8 —

— » — коноплянаго сѣмени — — 2½ —

— » — коноплянаго масла — — 16 —

— » — чигына — — 1 —

Въ большомъ количествѣ можно покупать хлѣбъ только у хана и вельможъ; у другихъ его мало, потому-что поля незначительны. У хана очень-много пахатной земли и 500 псовольниковъ для обработыванія ея.

Лѣсъ въ Хивѣ недорогъ: бревно въ 4 сажени длины и 4 вершка толщины стѣитъ 6 тангъ или 3 рубля. Тончайшій лѣсъ, туранча, сплавляется въ потокахъ внизъ по рѣкѣ, и за одинъ червонецъ можно купить отъ 100 до 200 молодыхъ деревьевъ въ 1½ сажени длины и отъ 3 до 5 вершковъ толщины.

За верблюжью ношу саксаула платятъ отъ 3 до 6 тангъ, и за столько же угля отъ 7½ до 10 тангъ.

Простой халатъ хивинскаго издѣлія стѣитъ въ Хивѣ 6 тангъ (3 рубля), лучшіе же 1½ червонца (20 рублей).

1 Кусокъ выбойки стѣитъ отъ 5 до 8 тангъ

» — бѣлаго беза (бумажной матеріи) . . » 5 » 6 »

» — крашеной бумажной матеріи (булка) 3½ » 8 »

» Пара красныхъ сапоговъ изъ хорошей кожи 7 рублей (14 тангъ).

Т. VIII. — Отд. II.

8½

За хорошую хивинскую шапку платятъ 2 червонца, за шапку по-проще 1 рубль 50 коп. (3 танги).

Кафтаны изъ верблюжьего сукна стѣютъ отъ 3 до 4 червонцевъ. Чай привозится изъ Кокана, и въ мелочной торговлѣ продается по 10 копеекъ золотникъ; медь привозится изъ Персін и стѣитъ 4 танги фунтъ, но мало употребляется. Сахаръ продается въ небольшихъ формахъ по 4 танги (2 рубля) и болѣе. Воскъ покупаютъ только пльшныя Русскіе на церковныя свѣчи и платятъ за него очень-дорого.

1 фунтъ хивинскаго табака стоитъ. 20 коп.

1 — — бухарскаго. 3 танги.

1 связка русскаго листоваго табака, около $\frac{1}{2}$ фунта, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 танги.

Сѣра добывается въ шести дняхъ пути отъ Хивы, въ песчаной странѣ на персидской границѣ, изъ сѣрыхъ ключей. За приготовляемый въ Хивѣ порохъ платится 2 танги, за русскій же 6 тангъ за фунтъ. Послѣдній продается между-прочимъ въ лавкахъ, въ пачкахъ по 20 фунтовъ, и извѣстно, что онъ болѣею частію ввозится чрезъ Мангичлакъ. Свинецъ также ввозится изъ Россіи; фунтъ его стѣитъ 3 танги.

Квасцы (изъ Россіи) стѣютъ 1 копейка золотникъ.

Салмыакъ 20 » » » »

1 штофъ виноградной водки отъ 6 до 8 танговъ.

1 — — водки изъ джидды » » 3 танги.

Неполированная писчая бумага, какаѣ употребляется въ Россіи, стѣитъ рубль дестъ. Большіе желѣзные котлы продаются на вѣсъ, по 28 тангъ (14 рублей) за пудъ; меньшіе же котлы и другіе чугуны и желѣзные товары по-штучно. Кованное желѣзо стоитъ 9 танговъ пудъ и употребляется на литье пушечныхъ ядеръ и обивку колесъ. Мѣдная посуда стѣитъ до 1 рубля 20 коп. фунтъ, и частію готовится въ самой Хивѣ. Изъ желтой мѣди здѣсь видны только русскіе самовары. Сундукъ, обитый желѣзомъ, длиною въ одну сажень, русской работы, стѣитъ 100 рублей; сундукъ въ аршинъ длины отъ 25 до 30 рублей.

Мѣра, вѣсы и монета. — Мѣра длины только одна — кулачь (одна сажень). Она во всемъ государствѣ одинакой длины, сдѣлана изъ дерева и заклеяна ханскою печатью. Русскій товаръ продается на аршинны. Жидкости мѣрятся по - большой - части стеклянными штофами, привозимыми изъ Россіи. На киргизскаго верблюда нагружаютъ 16 батмановъ или дюрт-ун-сѣръ. Дюрт-унъ

содержитъ въ себѣ 4 ун-сѣра, 8 кырк-ара, 16 джигирме-ара, 52 ун-ара, 40 сѣровъ, 64 биш-ара и 320 ара. Аръ почти равенъ вѣсомъ русскому мѣдному пятикопеечнику.

Шелкъ, чай и т. п. продается на русскіе золотники.

Хивинскій червонецъ стѣитъ 28 тангъ; танга имѣетъ 60 пулъ. Двѣ танги составляютъ одинъ аббасъ. Русской серебряной монеты очень-много въ Хивѣ, потому-что она ввозится безпрестанно караванами. Серебряный рубль стоитъ 8 тангъ; мелкаго серебра не видно. Мѣдные пятикопеечники употребляются только въ лавкахъ для вѣса. Голландскихъ червонцевъ (байдшахъ) много.

Хивинцы часто чеканятъ фальшивую монету, и за это очень-часто попадаютъ на висѣлицу.

Полезные минералы, растенія и животныя. — Земледѣліе. — Изъ полезныхъ минераловъ въ Хивѣ находится слѣдующіе: строевой камень, известковый камень, употребляемый для приготовления извести, глина и соль.

Хорошій строевой камень сѣраго цвѣта добывается въ 30 верстахъ выше Петняка на рѣкѣ, известковый же въ 30 верстахъ отъ Хивы въ песчаномъ мѣстѣ; послѣдній ломается кусками въ пудъ вѣсомъ; онъ мягокъ, наполненъ порами, смѣшанъ съ красною глиною (можетъ-быть альбастромъ); его жгутъ въ печахъ 24 часа, и на это идетъ немного дровъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ханка находятъ очень-хорошую красную глину, изъ которой готовится превосходная посуда; Хивинцы покрываютъ ее глазурью, изъ которой впрочемъ прочна только бѣлая; другіе цвѣта, наводимые на бѣлый, откакиваются, когда въ посуду наливается кипяткъ.

Соль добываютъ въ 30 верстахъ отъ Петняка, близъ рѣки, вѣроятно изъ соленыхъ озеръ. Она сплавляется на лодкахъ по рѣкѣ, и за два верблюжьихъ груза (30 пудовъ) платится одинъ тилла (14 руб.).

Хорошая луговая трава находится только около Кунграта и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегу Аму-Дерья; въ другихъ мѣстахъ почва производитъ только травы, особенно полынь, которую очень любятъ верблюды, рогатый скотъ и овцы. Въ лежащей на западъ отъ Хивы песчаной степи весною растетъ прекрасная трава, и въ это время гоняютъ туда на паству верблюдовъ и рогатый скотъ. Впрочемъ эта паства годна только одинъ мѣсяцъ, потому-что позже палющее солнце совершенно сожигаетъ траву. Туркменцы той стороны кормятъ своихъ верблюдовъ и лошадей, въ

случае нужды, молодыми отпрысками саксаула и сасака. Притомъ лѣтомъ здѣсь столько бѣе и другихъ насѣкомыхъ, что Туркменцы охотно уходятъ отъ нихъ въ горы на персидскую границу или въ Хиву.

Жители Ханка, Ургенча и Петника рубятъ на восточномъ берегу Аму-Дерья сладкое дерево и сушатъ его какъ сѣно. Лошади и скотъ ѣдятъ его листья, а оставшійся стебель употребляется на топку. Хотя этотъ кормъ очень употребителенъ, однако главная пища скота состоитъ въ сѣнной юнчикѣ, которую можно косить четыре раза въ годъ и всегда въ значительномъ количествѣ.

Поля засѣваются пшеницею, ячменемъ, кунджою (для выдѣлыванія масла), хлопчатого бумагою, юнчикой (трилистникъ), джугари (*holcus sacharatus*), горохомъ, чечвицею, ячмыкомъ (родъ мелкой чечвицы), макомъ, коноплею (на приготовленіе канатовъ и масла), чыггиномъ (родъ проса) и сарачинскимъ пшеномъ.

Танапъ земли составляетъ, какъ уже выше сказано, пространство въ 40 сажень длины и 30 ширины и, смотря по мѣрѣ близости или отдаленности отъ городовъ и каналовъ, стоитъ дорого или дешево. Вообще мало сѣется ячменя: онъ идетъ по-большой-части только у богатыхъ людей на кормъ лошадямъ, которымъ даютъ въ день по восьми фунтовъ, помочивъ его сперва 12 часовъ въ водѣ. Кундшу также мало сѣютъ; и она требуетъ сильно-унавоженной почвы. На одинъ танапъ земли (1,200 квадратныхъ сажень) сѣютъ ея 2½ пуда и получаютъ до 50 пудовъ. Изъ одного пуда кундши добывается 20 фунтовъ масла.

Джугари (*holcus sacharatus*) сѣется 3½ пуда на танапъ и получается обратно 100 пудовъ. Солома этого растенія и его сладкіе стебли, достигающіе иногда до 1½ сажени длины, даютъ превосходный кормъ.

Отъ 2 пудовъ хлопчатнаго сѣмени получается 15—20 пудовъ, дающіе отъ 7½ до 10 пудовъ чистой хлопчатой бумаги. Изъ сѣменъ дѣлается масло. Хлопчатая бумага собирается пераньше августа мѣсяца, когда чашечки совсѣмъ созрѣли. Эти чашки сортируются, сушатся на кровляхъ домовъ, открываются руками, и вынутая изъ нихъ бумага очищается отъ зеренъ на машинѣ очень-простаго устройства.

Единственный зимній хлѣбъ въ Хивѣ пшеница; ее сѣютъ въ октябрѣ и жнутъ въ іюль мѣсяцѣ слѣдующаго года. Послѣ жатвы то же самое поле засѣвается еще разъ джугаріемъ, хлопчатого бумагою и т. п. Джугари собираютъ уже по наступленіи морозовъ,

и потомъ поле остается незасѣяннымъ до слѣдующаго лѣта, когда его унавоживаютъ и снова засѣваютъ пшеницею. На танапъ земли сѣется 5½ пуда пшеницы и собирается до 150 пудовъ; однакожь производство этого хлѣба дозволяется только богатымъ людямъ, потому-что пшеницѣ нужно много воды.

Поле, которое хотятъ засѣять, вспахиваютъ иногда до семи разъ и потомъ боронятъ землю до-тѣхъ-поръ, пока она сдѣлается достаточно рыхлою. Унавоживаніе производится слѣдующимъ-образомъ: на слой навоза насыпается слой песка, на песокъ опить навозъ, и такъ далѣе, пока куча достигнетъ надлежащей высоты. Тогда невольники перекапываютъ ее и свозятъ на поле. Вообще навозъ готовится на высокихъ мѣстахъ, чтобы мало-по-малу, чрезъ потерю песка и глины, употребляемой на приготовленіе навоза, сравнять ихъ съ окружающею почвою, что весьма-важно для удобнѣйшаго наводненія.

Въ садахъ растутъ различныхъ породъ деревья, какъ-то: осина (въ аллеяхъ), нарвань, ясень, ива, обыкновенная тополь (пень ея выдалбливается и идетъ на дѣланіе лодокъ, въ которыхъ помѣщаются пять человѣкъ); тутовое дерево съ бѣлыми ягодами; тутовый деревья съ красными и черными ягодами не такъ любимы, потому-что листья ихъ не могутъ быть употребляемы на кормъ шелколичныхъ червей. Далѣе видны шантала, урыкъ (априковое дерево), яблони и грушевыя деревья и виноградныя лозы; есть также черная и красная смородина.

Въ огородахъ разводится дыни, арбузы, тыква, желтая и бѣлая рѣпа, рѣдья, морковь, сахарный горохъ, много лука; турецкіе бобы и огурцы видны только въ ханскихъ огородахъ. Съ недавняго времени начали сѣять и картофель. Вообще, Хива небогата плодами; по-этому они большею частию дороги и могутъ быть покупаны только богатыми людьми. Изюмъ и джидду привозятъ въ нее изъ Мешхеда и употребляютъ на водку. За пудъ персидскаго изюма платятъ 16 тангъ (8 рублей). Слабая водка гонится также изъ туземнаго, свѣжаго винограда, и штофъ ея стоитъ 5 тангъ. — Яблоки стоятъ въ Хесарасѣ (Азарысѣ) около 10 копеекъ фунтъ. Арбузы и дыни чрезвычайно-дешевы: за большую дыню платится отъ 3 до 5 копеекъ.

Въ Хивѣ держатъ только одnogорбыхъ верблюдовъ (дромадеровъ), и они дѣлятся на двѣ породы, *наръ* и *ирекъ* (по-киргизски

люкъ (*) Наръ очень-великъ, обыкновенно красножелтъ цвѣтомъ и можетъ нести вдвое болѣе противъ киргизскаго верблюда. Между ими есть и бѣлые, но они скоро натираютъ себя ноги; за красножелтаго нара платится отъ 20 до 30 тилъ, за бѣлаго отъ 15 до 17. Эти животныя могутъ пробыть десять дней безъ питья и шесть дней безъ всякой пищи. Они сердиты, особенно во время совокупленія, и тогда часто кусаются, почему имъ навязываютъ на ротъ корзинки, съ которыми могутъ ѣсть, но не кусаться. Вторая порода, иркекъ или люкъ, меньше нара, но все еще больше киргизскихъ верблюдовъ. Иркекъ можетъ нести только 20 пудовъ, но терпитъ жажду и голодъ такъ же долго, какъ наръ. Однакоже наръ и иркекъ гораздо-чувствительнѣе къ холоду, нежели верблюды, и зимою зашиваются въ войлокъ. Они живутъ 20 лѣтъ и большею частію кормятся выжатымъ на масло растеніемъ кунджа, котораго задаютъ изхудавшему животному, если хотятъ выкормить его, 12½ фунтовъ въ день. Кроме того, они ѣдятъ великія травы. Самка столько же сильна, какъ самецъ, но легче самца.

Каждый житель Хивы имѣетъ по-крайней-мѣрѣ одно такое животное, чтобы возить на немъ дрова и уголья. Богатые люди и ханъ держатъ ихъ множество.

Ослось употребляютъ на ношеніе воды и рѣдко держатъ болѣе двухъ. Особенно рослая порода ихъ видна только у богатыхъ.

Въ Хивѣ мало рогатаго скота; ростомъ и качествомъ онъ сходенъ съ скотомъ на оренбургской линіи и покупается у Каракалпаковъ; молоко коровъ служитъ въ пищу, а быки употребляются на полевые работы. Лошадей только по нуждѣ запрягаютъ въ плугъ.

Хивинскія овцы совершенно сходны съ русскими, даютъ хорошую шерсть, покупаются у Туркменцевъ, но очень-рѣдки. Черныхъ, арабскихъ овецъ привозятъ изъ Бухары, и ихъ покупаютъ только для шкуры, изъ которой дѣлаютъ шапки. Такая шапка стоитъ 3 тиллы. Киргизскія овцы употребляются единственно въ пищу, и фунтъ мяса ихъ стоитъ 15 копеекъ, тогда-какъ говядина отъ быковъ стоитъ только 10 копеекъ.

Въ Хивѣ видны двѣ породы курицы: маленькая, обыкновенная, и бухарская. Индѣйки, гуси и утки водятся только у хана. Киргизцы привозятъ изъ Россіи (отъ Башкирцевъ) приученныхъ къ охотѣ

(*) По словамъ Эверемана (см. его Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару, стр. 91) лукъ (люкъ) болѣе нара и водится только въ Бухарѣ.

соколовъ и беркутовъ (орловъ). Окрестности Кунграта богаты водяными птицами; другихъ гораздо менѣе. Изъ собакъ извѣстны гончія, употребляемыя на охоту, и дворовыя (послѣднія не описаны подробно). Волки, лисы и зайцы встрѣчаются около Аму-Деря, но мало; тигры иногда появляются въ окрестностяхъ Кунграта. Аму-Деря изобилуетъ прекрасною рыбою, осетрами, севрюгой, налимами, сомами, карпами, щуками, карасями, и многими другими. Однакоже Хивинцы не любятъ рыбы, и она употребляется только Каракалпаками. Мелкою, сушеною рыбой въ случаѣ нужды кормятъ даже рогатый скотъ.

При всемъ томъ нужнѣйшее и полезнѣйшее животное въ Хивѣ—лошадь. Прекрасные туркменскіе жеребцы, извѣстные подъ именемъ аргамаковъ, заслуживаютъ особенное вниманіе и подробнѣйшее описаніе. Они составляютъ особую породу лошадей, сохраняемую безъ примѣси только у Туркменцевъ, рослы, прекрасно-сложены, но имѣютъ очень узкую грудь, немного-длинные уши и тонкій хвостъ. Обыкновеннѣйшій цвѣтъ ихъ сѣрый; черныя принадлежатъ къ рѣдкостямъ. Онъ вообще не неукротимъ; только жеребцы злы, кусаются и лягаются. Если аргамакъ вырвется, то никогда не убѣжить далеко, и всегда воротится самъ. Въ бѣгахъ они сначала очень быстры, но устаютъ скоро. Когда аргамакъ пробѣжалъ пять верстъ, съдокъ долженъ сойдти съ него и вести его въ поводу сажень сто; если онъ тогда опять слѣдетъ, то аргамакъ помчится еще быстрѣе. Такимъ-образомъ можно проѣхать на нихъ въ 24 часа сто верстъ, и даже въ трое сутокъ четыреста верстъ. Аргамаковъ держатъ всегда въ конюшняхъ и на дворѣ на веревкѣ, прикрѣпленной кольцомъ къ желѣзнымъ сваямъ. Хивинцы впрочемъ убѣждены, что только Туркменцы умѣютъ хорошо обращаться съ этими животными, и поэтому ханъ и вельможи ввѣряютъ лучшихъ скакуновъ своихъ попеченіямъ Туркменцевъ, за что сіи послѣдніе не получаютъ платы, но въ скачкахъ имъ отдаютъ выигранные призы. Ихъ берегутъ тщательно, ѣздятъ на нихъ почти только въ военное время, и тогда еще Туркменцы часто садятся на верблюдовъ или другихъ лошадей, вѣдя аргамаковъ въ поводу, пока не увидятъ непріятеля; даже отправляясь съ ними на водопой, на нихъ не садятся, а всегда ихъ водятъ.

Немолотымъ хлѣбомъ кормятъ аргамаковъ не иначе, какъ изъ кошелей, навязываемыхъ на ротъ; эти кошеля никогда не переходятъ отъ одной лошади къ другой; при продажѣ аргамака от-

дается и этот кошель. Вся чистка состоитъ въ томъ, что шкуру выколачиваютъ коровьимъ или лошадинымъ хвостомъ; желѣзные скребницы и жесткія щетки не употребляютъ. Лѣтомъ и зимою ихъ покрываютъ попоной а сверху еще войлокомъ. Попоны эти, дѣлаемыя Туркменцами, очень-красивы, и часто похожи на кашемировыя шали. Дѣла лошади неподкованы, для похода же ихъ подковываютъ тонкою подковою безъ шиповъ. Заботливость объ этихъ животныхъ простирается еще дальше: чтобы они не поранили себя ногъ на охотѣ, ихъ обертываютъ отъ копытъ до коленъ кожею, а головы предохраняютъ отъ насѣкомыхъ кожаными капюшонами, съ тонкою прорѣхою у глазъ, такъ-что лошадь можетъ сквозь нея видѣть, но насѣкомыя уже никакъ не проползутъ.

Въ Хивѣ каждый богатый человѣкъ имѣетъ аргамаковъ для своего удовольствія, а чиновники по обязанностямъ, налагаемымъ службою. У одного ходиш-мехрема никогда не бываетъ меньше 50, у хана же 200 аргамаковъ. За лучшихъ бѣгуновъ этой породы платятъ 100 хивинскихъ червонцевъ, но такихъ покупаютъ только одинъ ханъ. Обыкновенная цѣна отъ 30 до 80 червонцевъ, разумеется смотря по добротѣ и происхожденію лошади. Всѣхъ аргамаковъ, приводимыхъ Туркменцами на продажу въ городъ Хиву, сперва представляютъ хану, который и выбираетъ для себя лучшихъ. Часто также Туркменцы дарятъ ему нѣсколько аргамаковъ, за что ханъ награждаетъ ихъ халатами.

Когда аргамакъ приготовляется къ бѣгу, ему пять дней сряду даютъ только по 2½ фунтовъ сѣна въ сутки, и во все это время онъ стоитъ днемъ въ конюшнѣ, вечеромъ же берутъ его и вводятъ по полю всю ночь скорымъ шагомъ, при чемъ сѣдокъ сидитъ на обыкновенной киргизской лошади. Наканунѣ дня, назначеннаго для бѣга, аргамаковъ ведутъ къ извѣстнымъ колодцамъ, въ 30 верстахъ (7¼ миль) отъ Хивы, гдѣ обыкновенно начинаются бѣги на разсвѣтъ другого дня. Тотчасъ по окончаніи бѣга ихъ вводятъ опять 24 часа, и въ это время имъ даютъ въ малыхъ порціяхъ 2½ фунта сѣна. Потомъ ихъ ставятъ на конюшню, и уже спустя 36 часовъ, задаютъ имъ джугари. Чѣмъ толще лошадь, тѣмъ дольше должно водить ее передъ бѣгомъ. Во время бѣга на лошадяхъ находится одинъ сѣдла, безъ попоны, и онъ управляется мальчиками. Однакожь, не смотря на всѣ эти предосторожности, многіе аргамаки околѣваютъ послѣ бѣга. — Лошади, извѣстныя подъ названіемъ карабаировъ, вѣроятно выродки отъ туркменскихъ жеребцовъ и коканскихъ кобылъ. Онѣ

меньше аргамаковъ, сильны, крѣпки, быстры и составляютъ особую породу, но мало уважаются и болѣе считаются рѣдкостью. Обыкновенныхъ лошадей Хивинцы покупаютъ у Киргизовъ или въ Россіи. Иноходцы весьма любимы въ Хивѣ, и за нихъ платится очень дорого.

Войскои образъ введенія войны.—Въ ханскомъ войскѣ служатъ Узбеки, Туркменцы, Каракалпаки и Сарты; но мы уже выше говорили, что лучшіе солдаты Узбеки и Туркменцы. Тотъ, кто исправляетъ службу на собственной лошади, получаетъ 25 червонцевъ въ годъ жалованья, изъ котораго половина выдается ему наличными, а половина хлѣбомъ. Во время похода всякій солдатъ получаетъ фуражъ на лошадь и поутру порцію крупы для себя; но этой порціи недостаточно, и потому каждый везетъ еще съ собою собственную провизію. Каждый два солдата обязаны имѣть одного верблюда, но сосуды для храненія воды, которые возятъ на немъ, даются отъ хана. Люди чиновные (офицеры) получаютъ отъ 40 до 70 червонцевъ жалованья, и кромѣ того въ военное время хлѣбъ, рыбу, говядину и фуражъ на лошадей. Неимѣющій собственной лошади получаетъ отъ хана аргамака и 15 червонцевъ жалованья, деньгами или хлѣбомъ по рыночной цѣнѣ, какъ кто пожелаетъ. Если падетъ ханская лошадь, то ѣздоку даютъ другую, или денегъ на покупку, а въ доказательство, что лошадь дѣйствительно околѣла, мехтеру должно представить хвостъ ея. Юсбаши производятъ ежедневно осмотръ лошадей, и если находятъ, что какой-нибудь солдатъ не печется о своемъ конѣ, наказываютъ его розгами. Солдаты всегда должны быть готовы къ бою, и отдають хану десятую долю отъ своей добычи.

Кромѣ солдатъ, служащихъ на жалованьи, на войну отправляются еще вольно-опредѣляющіеся, не получающіе жалованья, но надѣющіеся вознаградить себя добычею и пользоваться сборомъ непріятельскихъ ушей и головъ. За первый правительствомъ платитъ по 5 тангъ за штуку, а за послѣднія вдвое.

Войны всѣ на лошадяхъ; они вооружены саблею и копьемъ, и только немногіе ружьями; Туркменцы носятъ сверхъ-того еще длинный ножъ. Предводители одѣты въ латы, которые даетъ имъ ханъ: онъ получаетъ ихъ изъ Персіи; ружья же, говорятъ, дѣлаются въ самой Хивѣ; они калибромъ меньше русскихъ солдатскихъ ружей, большею частію употребляютъ только Узбеками и въ мирное время хранятся при дворѣ хана. Хивинцы также готовятъ порохъ и держатъ его въ кирпичныхъ хранилищахъ у ха-

на. Артиллерія состоитъ изъ 15 орудій, которыя всѣ безъ исключенія вылиты въ Хивѣ и снабжены зелеными лафетами, которые готовятся русскими плѣнниками. Подъ каждую пушку, смотря по величинѣ ея, запрягаютъ по три или по четыре лошади, но одна изъ пушекъ такъ огромна, что восемь лошадей съ трудомъ могутъ тащить ее. Ядра также отливаются въ Хивѣ; картечи неизвестны Хивинцамъ. При нынѣшнемъ ханѣ артиллеріею управляютъ русскіе плѣнники; Мухаммедъ-Рахимъ же не имѣлъ къ нимъ довѣрія.

Въ войскѣ существуетъ только два класса офицеровъ: 1) *юсбаши*, командующіе 100 солдатами; отличительный признакъ ихъ званія—кинжалъ съ черною рукояткою, и 2) *мехремы*, командующіе 10 и 15 юсбаши и ихъ отдѣленіями, и носящіе знамя; у нихъ кинжалъ съ рукояткою изъ слоновой кости; они нерѣдко наказываютъ юсбаши палками.

Когда армія готова къ выступленію, конница окружаетъ верблюдовъ и такимъ порядкомъ отправляется въ походъ. Впереди всѣхъ идетъ ханъ, а за нимъ слѣдомъ везутъ легкую палатку; большая и великолѣпнѣйшая находится въ центрѣ. Когда разбиваютъ легкую палатку, вся армія останавливается на отдыхъ; ханъ уходитъ въ маленькую палатку, но послѣ перемѣняетъ ее на большую и оставляетъ первую для юсбашей. Окружать лагерь карауломъ считается излишнимъ; лошади стоятъ на привязи; верблюды же днемъ ходятъ свободно по полю, чтобы искать себѣ кормъ. Пушки ставятся вокругъ палатки хана, и по-утру тремъ выстрѣлами подаютъ знакъ къ отправленію. При близости непріятеля на самые опасные посты ставятся Туркменцы. Отъ жаровъ и часто повсюду встрѣчаемыхъ песчаныхъ равнинъ, войско можетъ лѣтомъ дѣлать только очень-небольшіе переходы, около 15 верстъ, и, не смотря на это, аргмаки чрезвычайно худѣютъ и ослабѣваютъ; въ 1825 году только очень-немногіе возвратились изъ похода противъ русскаго каравана.

Описаніе нѣкоторыхъ походовъ Хивинцевъ. — Осенью 1820 года, ханъ Мухаммедъ-Рахимъ собралъ значительную армію, и отправился вверхъ по Аму-Дерѣ къ бухарской крѣпости Чардшуй, которую тщетно осаждалъ въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца. Провіантъ и тяжелая поклажа были перевезены на лодкахъ вверхъ по рѣкѣ. Во время осады ограбили кочевавшихъ въ окрестностяхъ Туркменцевъ изъ рода Тѣкѣ, и въ то время, какъ ханъ отправился однажды въ подобный хищническій набѣгъ, вверхъ по рѣкѣ, сынъ бухарскаго хана переправился съ отрядомъ войска на лѣвый бе-

регъ и занялъ между непріятелемъ и крѣпостію выгодное положеніе въ дефилеѣ. Тогда завязалась трехдневная битва, въ которой обѣ стороны потеряли множество убитыми, но которая наконецъ склонилась на сторону хивинскаго хана, благодаря его артиллеріи. Бухарцы отступили въ Чардшуй, Хивинцы домой.

Въ слѣдующемъ году ханъ снова напалъ на Чардшуй; но вблизи его, на правомъ берегу рѣки, показались бухарскія войска, предводимыя самимъ ханомъ Миръ Хайдаромъ. Жары были чрезвычайно-сильны, и вода въ Аму-Дерѣ очень спала. Бухарцы стрѣляли изъ пушекъ на правомъ берегу, привели въ безпорядокъ и остановили лодки Хивинцевъ. Чтобы помѣшать имъ въ этомъ, хивинскій ханъ отправилъ ночью на лодкахъ своего брата Кутлу Муратъ Инека съ отрядомъ на другой берегъ, гдѣ онъ долженъ былъ напасть нечаянно на Бухарцевъ. Но послѣдніе отразили непріятеля, убили множество вонновъ и отняли десять лодокъ, что принудило Хивинцевъ къ поспѣшному возвращенію домой. Лѣтомъ слѣдующаго 1822 года, лазутчикъ увѣдомилъ хивинскаго хана, что Миръ Хайдаръ отправился въ походъ противъ Китай-Кипчаковъ. Ханъ немедленно собралъ свои войска, переправился при Хезаразбѣ черезъ Аму, напалъ на городъ Вардансы, разрушилъ его и многихъ жителей увелъ въ неволю; послѣ сего онъ пошелъ на Чайдырь, населенный оставившими Хиву Узбеками, и поступилъ подобнымъ же образомъ. Потомъ дикое войско разпространилось далѣе, сожигая, похищая и убивая все на пути своемъ до Каракула. Наконецъ Хивинцы возвратились домой, не выдавъ бухарскаго войска. Храбрые воины особенно занялись похищеніемъ женщинъ и дѣтей, зная, что мужья и отцы ихъ явятся въ Хиву, чтобы выкупить ихъ. Ковырзинъ во всѣ три похода сопровождалъ ходящихъ-мехрема.

Мухаммедъ-Рахимъ однажды (около 1812 года) обратилъ оружіе свое даже противъ Персін. Прошедъ съ значительнымъ войскомъ, въ самое жаркое время года, чрезъ песчаную степь, онъ достигъ обитаемаго Курдами города, котораго начальникъ назывался Ханъ Бейляръ Кули. И здѣсь всѣ военныя дѣйствія ограничились хищничествомъ. Курды и Туркменцы изъ Тѣкѣ взяты въ плѣнъ, ограблены и нивы около города сожжены. Но послѣ этого подвига былъ заключенъ миръ, въ-слѣдствіе котораго хивинскій ханъ выдалъ всѣхъ плѣнныхъ Курдовъ; когда же пришло извѣстіе, что Баба-Ханъ лично идетъ съ арміею на защиту осажденныхъ Хивинцевъ поспѣшно ушли домой. Въ гористой странѣ на персидской границѣ многіе вонны погибли, потому-что воздухъ тамъ чрезвычайно

вреденъ, днемъ неспосно жарко, а ночью чрезвычайно холодно: кто не одѣнется довольно тепло вечеромъ, умираетъ иногда въ ту же ночь. На этомъ обратномъ походѣ и околѣла большая часть лошадей отъ напряженія и недостатка въ кормѣ. Изъ трехъ пушекъ, взятыхъ ханомъ, только двѣ меньшія привезены назадъ на верблюдахъ.

Характеръ нынѣшняго хана и его образъ жизни. — Аллахъ Кули, нынѣшій ханъ Хивы, добродушенъ, миролюбивъ, не любитъ ни охоты, ни хищничества, ни убійствъ, и потому Туркменцы и Узбеки ненавидятъ его. Отецъ хотѣлъ-бымо лишить его престола и передъ смертію назначилъ своимъ наследникомъ втораго сына, Рахманъ Кули, но, по совѣту мудраго ширъ-ніэзъ-аталыка, воля его не была исполнена. Рахманъ Кули живетъ теперь въ Хезаразбѣ, собираетъ въ окрестностяхъ подати, не оказываетъ брату ни малѣйшаго уваженія, и очень почитается Узбеками и Туркменцами. Говорятъ, что ханъ въ молодости научился у русскихъ цевольниковъ пить водку, и часто занимался этимъ въ конюшняхъ. Да и позже предавался онъ этому пороку вмѣстѣ съ ходженъ-мехремомъ до безчувствія. Впрочемъ онъ любитъ порядокъ, имѣетъ только двухъ женъ и строго наказываетъ воровство и хищничество, и это увеличиваетъ къ нему ненависть Узбековъ и Туркменцевъ. Что касается до его познаній, то говорили, что онъ умѣетъ говорить, читать и писать по-русски, и что учителемъ его былъ плѣнный астраханскій мѣщанинъ Оома.

Мухаммедъ-Рахимъ, кромѣ вышепоименованныхъ сыновей, оставилъ еще двухъ: мальчика восьми лѣтъ, отъ дочери киргизскаго султана Ширгази Кайпофа, и другаго—шести лѣтъ, отъ дочери одного ходжи.

Ханъ никогда не оставляетъ дворца днемъ, за исключеніемъ пятницы, когда ходитъ въ мечеть; ночью же онъ разтѣзжаетъ по городу и по своимъ садамъ. Аксакалы (бѣлобородые) каждое утро навѣщаютъ его, или являются, какъ говорится, на слялмъ, при чемъ дѣлаютъ разные вопросы и донесенія и иногда занимаются текущими дѣлами. Ханскія жены не смѣютъ выходить днемъ изъ комнаты, и только иногда вечеромъ посѣщаютъ своихъ родственниковъ. Дворецъ охраняется братомъ куш-беги, имѣющимъ чинъ юсбаши, и отрядомъ въ 15 человекъ, сидящихъ у подъезда въ караульной; одинъ изъ нихъ стоитъ у подъезда, а двое другихъ у входа въ темницу, въ которой сидятъ только знатные люди, удавляемые обыкновенно, по повелѣнію хана, плѣнными.

Г. ГЕЛЬМЕРСЕНЪ.

ХИИВНИИС'КАЛО ХАЛС'Н'ВА.

А беретъ () на одну секунду. итакъ.

Часть Устюрта, т.е. низкой возвышенности между Каспійскимъ и Арасскимъ морями.

Жаналы.
• Порода.
• Мнестейки.
Балота.
Несокь.